

Алексей Курбатов: «Искусство обществу необходимо»

Второй концерт в рамках фестиваля «Опера Априори» состоится 16 марта в Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Проект «Интеллектуальная опера: за гранью воображения» представлен двумя операми в концертном исполнении – Белы Бартока «Замок герцога Синяя Борода» и Алексея Курбатова «Черный монах». В преддверии мировой премьеры своей оперы молодой композитор Алексей Курбатов поговорил с нами о музыке и творческих планах.

– Алексей, расскажите о вашей опере «Черный монах». О чем она? Как долго вы ее сочиняли?

– В общем-то, опера о том же, о чем и повесть Чехова – о гении и сумасшествии. Насколько взаимосвязаны эти понятия, возможно ли сохранить свой дар после «изле-

чения» от душевной болезни. Единственное, что я изменил – это расстановка приоритетов. Если у Чехова события описаны объективно, со стороны, то в опере мы все видим глазами главного героя, Коврина. От этого остальные персонажи кажутся нам странными, вычурными, и все действие как бы по-

дернуто дымкой. По-настоящему взгляд Коврина фокусируется только на Монахе, которого не видит никто, кроме него. И когда главный герой теряет возможность общаться с Монахом (поскольку на время излечивается от своей душевной болезни), он чахнет и понимает, что мир обвел его вокруг паль-

«Последние годы мне очень везет на хороших людей, и все, что я пишу, исполняется, даже то, что пишется не по заказу».

ца. И в результате этого прозрения вся его жизнь рушится, как и жизнь любящих его людей. Коврин умирает, но перед смертью снова видит Монаха, который упрекает его в потере дара и уходит прочь. Написал я эту оперу довольно быстро, за три месяца. Писал в основном по ночам, так как днем было много другой работы.

– Сочинить оперу – значит творчески созреть. Чувствуете ли вы, что достигли определенного профессионального уровня, состоялись как композитор и музыкант?

– Хотелось бы надеяться. По крайней мере я чувствую в себе определенные силы, хотя бывают, к сожалению, и моменты некоего опустошения – особенно после окончания какого-нибудь большого сочинения.

– Кто из современных композиторов вызывает ваше восхищение и уважение?

– Возможно, я не так пристально слежу за новыми произведениями, как хотелось бы – банально не хватает времени, но, безусловно, есть композиторы, музыку которых я очень люблю. Из ныне живущих это Валентин Сильвестров, Леонид Десятников, Павел Карманов, Полина Назайкинская, Илья Демуцкий. А вообще спектр любимой мною музыки огромен. Мне, в общем, неважно, в каком стиле и с применением какого инструментария пишет человек, если то, что он делает, трогает мою душу.

– В каком возрасте вы начали сочинять музыку?

– Одновременно с началом обучения игре на фортепиано – в пять лет. Первая моя пьеса называлась «Водомерка». На даче у нас стояла большая ржавая бочка, и в ней летом скапливалась вода, на поверхности которой прыгали эти самые водомерки. Почему-то их прыжки на меня произвели настолько неизгладимое впечатление, что я сочинил музыку, описывающую их движения.

– Как пришло понимание того, что вы хотите быть не просто музыкантом, но и композитором?

– Пожалуй, раньше, чем понимание того, что я хочу быть пианистом. Наверное, лет с десяти я уже понимал, что это не просто увлечение, а органическая необходимость.

– Что вы почувствовали, когда в первый раз услышали, как исполняют вашу музыку? Как это было?

– Если честно, я уже не помню, как и когда это было. Но думаю, ощущения не сильно отличаются от нынешних. Во время исполнения я сижу с колотящимся сердцем и боюсь, что всем в зале очень скучно. Потом, во время аплодисментов, я понимаю, что это, наверное, не так, но сердце все равно колотится. Каждый концерт – это серьезное переживание.

– Каковы перспективы современного композитора? Нет ли такого, что в известных

театрах исполняют только произведения классиков?

– Конечно, сейчас на первый план вышли экономические соображения. Если к премьере «Воццека» великого Альбана Берга было проведено 127 репетиций, то сейчас редко когда к концерту дают более трех. Но я не сказал бы, что исполняют только классиков, как раз в последнее время интерес к современной музыке достаточно устойчив. Тем более я-то как раз не совсем «современен» по своему языку, так что таких уж проблем с непониманием моей музыки, которые могли бы стать непреодолимым барьером к исполнениям, я не испытываю.

– Какова цель, к которой вы стремитесь? Скажем, чтобы вашу оперу поставили в Ла Скала?

– Точно обрисованной цели нет. Я, как любой творческий человек, просто хочу, чтобы моя музыка трогала людей и звучала как можно чаще. Для меня одинаково ценен и концерт в маленьком зале на 50 человек, и в Большом зале консерватории на 1600. Но от Ла Скала, конечно, не откажусь.

– Если бы никому не нужна была ваша музыка, вы бы продолжили ее писать?

– Долгое время я писал в стол, и сейчас не более половины моих сочинений исполнены. Последние годы мне очень везет на хороших людей, и все, что я пишу, исполняется, даже то, что пишется не по заказу, а по зову сердца. Но, конечно, я буду писать в любом случае, исполняется музыка или нет.

В основном потому, что я не пишу, если могу не писать. Из-за этого принципа я время от времени срываю сроки заказов – если чувствую, что получается что-то не то. В нотах должен оставаться максимально безупречный вариант.

– Почему сейчас так мало молодежи интересуется классической музыкой? Можно ли это как-то изменить? И нужно ли?

– Не сказал бы, что совсем уж мало молодежи. Последнее время на концертах я вижу все больше молодых и даже юных лиц. Раньше была некая просадка, когда на концерты ходили в основном пожилые люди. Сейчас это уже не так, и я надеюсь, эта тенденция будет развиваться. Искусство обществу необходимо. ■

«Во время исполнения я всегда сижу с колотящимся сердцем и боюсь, что всем очень скучно»